

Дырка

Меня зовут Юля, и мне уже девять лет. Ну, почти.

На самом деле, девять мне будет только в июле, но что сделаешь, если маме уже нашлась работа?

Когда еще у мамы работы не было, жизнь наша полна была сюрпризов. Пособие то приходило, то нет. Должно каждый месяц, а у нас было как когда. Потому что мама то справку не вовремя принесет, то они справку эту потеряют, то вообще про нас на месяц-другой забудут. Потом вспомнят, и – сюрприз! - денег вдруг сразу целая куча! И мы с мамой едем в центр, и покупаем себе там все-все, чего захотим.

То свет выключат, то газ. Хорошо хоть квартиру мама оплатила сразу вперед на полгода.

Без света здорово! Мама вечером зажигала свечи и читала мне перед сном сказки. Огоньки у свечей колышатся, тени от них бегают по стенам, а тут еще мама страшное читает.

Когда свет есть, мама вечером утыкается в комп, а мне выдает планшет и просит ей не мешать.

Без газа нельзя готовить. И мама тогда заказывала по телефону пиццу. Я тогда столько ее наелась, что больше уже, никогда, кажется не захочу.

Когда денег не было совсем, мы с мамой брали продукты под запись в маленьком магазинчике на углу. Удобно – в школу идешь, берешь там йогурты и печеньки. Гуляешь - тоже что-нибудь перехватишь. Денег не надо, продавец просто все записывает.

Когда мама пришла расплачиваться, у ней волосы дыбом встали!

С тех пор я в школу, как все, ношу питу с хумусом.

Мама говорит, это важно, чтобы как все. В нашем положении, мама говорит, важно не привлекать к себе лишнего внимания. Люди ж как? Сперва посочувствуют, а потом стукнут социалкам. А те только и ждут повода отобрать ребенка у матери-одиночки.

Мы так обрадовались, когда мама работу нашла! Мама сразу заплатила за свет, за газ и даже за воду! Хотя воду ни разу еще не отключали.

Теперь мама каждый день отвозит меня утром в школу на машине и даже питу спрашивает чем намазать – ореховым маслом, творогом или все же хумусом, как обычно?

Но вот забирать меня из школы мама не может. Это б ничего – что я, одна дорогу не найду? Но только есть закон – детям младше девяти нельзя быть одним без присмотра. Я даже из школы сама не могу уйти – охранник меня не выпустит. Вот будет девять – тогда пожалуйста. А пока нет.

Выход, конечно, есть всегда. Из школы меня выводит Микина бабушка. Мы с Микой учимся в одном классе. Для всех я как бы из школы иду в гости к Мике, но на самом деле Мике бабушка доводит меня только до угла.

Микина бабушка мою маму во как понимает! Чего ж не понять-то? У них в Челябинске все дети с ключом на шее росли.

Дома я сбрасываю рюкзак. Достаяю из морозильника колу. Лезу с ногами на диван, открываю бутылку и пью колу прямо из горлышка. Жарко!

Немного колы всегда проливается на меня на диван. Не знаю почему. Может, я горлышко криво вставляю в рот? Бутылка ведь большая, тяжелая. Но лить колу в стакан еще хуже – сразу пена шапкой, а из-под пены все льется на стол.

Достаю телефон и пишу маме смску, что я дома. Мама в ответ посылает смайлик. А я ей в ответ gifку с котенком. Котенок мурлычет и выгибает спину. Маме с ним на работе будет не скучно.

Есть пока не хочется. Я включаю мультики. За мультиками время проходит быстро. Потом спохватываюсь, что есть же уроки.

Когда мне станет девять, я уроки делать не буду. Ну, или когда как. Бывает же, что у человека нет настроения, или он забыл? Всякое ведь в жизни бывает.

Но пока мне нет девяти, приходится делать каждый день. Я ж не хочу, чтоб меня отобрали социалки? Вот вызовут маму в школу, начнут разбираться, тут-то все и откроется!

Я быстренько пишу в рабочих тетрадках все, чего надо, и приступаю к самому главному. Нам почти всегда задают на дом какие-нибудь поделки. Кому папы с мамами помогают, у того, конечно, лучше выходит, но и мои ничего. Учительница говорит – видно, что ты старалась.

Сегодня задали Ноев Ковчег. Сперва вырезать по трафарету всех зверей и птиц. Потом сам ковчег. Потом все вместе сложить. В середине пробить дырку. Соединить – проволочкой там или ниткой. Получится такой как бы веер. Раскрываешь – звери выходят из ковчега, закрываешь – прячутся внутрь.

Звери все выходят в зазубринах, сколько ни поправляю. Вообще, поправлять трудней, чем вырезывать хорошо с самого начала.

Но вот все готово. Настает время пробивать. Это трудно – звери тонкие, они мнутся, подворачиваются, скользят под рукой. Я складываю аккуратно-преаккуратно: голова к голове, хвост к хвосту. Всовываю их в дырокол. Всего-то и нужна одна дырочка! Но от дырочки этой зависит все. Пробью не точно - и вся предыдущая работа насмарку. Придется вырезывать с самого начала

Я все поправляю и поправляю бумажные фигурки, все боюсь нажимать. У меня даже кончик языка изо рта высунулся. (Когда мама такое видит, говорит: «Юля, убери язык, не дури!»)

Наконец, обеими руками придерживая фигурки, всем весом наваливаюсь на дырокол.

И – ах! Что ж я наделала?! Пробила дыроколом себя! Один зуб прокусил ковчег и зверей, а другой мою руку.

Самое страшное, что дырокол заело, он не разжимает зубов. Иногда с ним такое случается. Я изо всей силы трясу закусенной дыроколом рукой. Вокруг дырочки возникает красный ободок. Бедные зверики! Я ж так вымажу их своей кровью!

Наконец челюсти разжаты, дырокол со стуком валится на пол, бессильно раззявив свою кровавую пасть. Зверики спасены, я успела перехватить их здоровой рукой, они почти не испачкались. Я держу звериков в одной руке, сама с ужасом смотрю на другую.

Какая дырка! И как быстро она заполняется кровью!

Самое интересное, что мне даже почти не больно. Но страшно – жуть!

Не кричать. Главное не вздумай орать! И смыть, смыть скорее всю эту кровь. Пока я все здесь перепачкала

Я бегу в ванную. Но даже под ледяной струей кровь не останавливается. Я держу руку под водой долго-долго, пока пальцы не начинает ломить. Вынимаю руку из воды и обматываю ее полотенцем. Кровь пропитывает полотенце, начинает капать на пол, на стул и на стол... А вдруг она не остановится никогда?!

Голова у меня кружится, в ушах шумит. Сердце бьется громко-прегромко. Я умру. Истеку кровью.

Глупости! Большая девочка, скоро девять лет!

Звоню маме. Мы договорились, что обычно я пишу смски. Звонить можно только в самом крайнем случае! Но сейчас именно такой случай.

Одной рукой не так-то просто нажимать на экран. Гудок, другой, третий. Мама не отвечает. Четвертый, пятый. На десятом гудке телефон прекращает вызов. Я набираю снова. Опять. И опять. Мам, да ответь же ты наконец!

Но что-то у нее, видно, важное. Такое важное, что даже телефон отключила.

Всхлипывая, иду к компу, набираю по скайпу папу.

Там тоже отвечают не сразу. Наконец на экране возникает заспанная Света.

- Юль, ты с ума сошла?! Ты знаешь, какой у нас час?!

- Знаю. Света, позови папу.

Видимо, у меня такой голос, что папа немедленно оттесняет Свету плечом. Он тоже спал, веки опухшие, глаза даже не раскрываются до конца. За ухом перышко от подушки.

- Малыш, привет, что случилось, почему слезы? Где мама?

- Мама на работе, а я, а я... - у меня не сразу получается рассказать. Папа просит показать ему руку. Я боюсь разматывать полотенце, боюсь, что кровью зальет клавиши компьютера, боюсь сама вновь увидеть то, что там. Но папа настаивает, и я решаюсь.

Зря я, между прочим, боялась. Кровь уже почти не идет. Но папа, увидев дырку, присвистывает.

- Немедленно к врачу! Это ж зашивать надо!

- Пап, ну как я одна к врачу? Вот придет мама...

- Звони маме!

- Да звонила! Не отвечает. У нее, наверное, ужасно важное совещание.

- Ну позвони еще кому-то! Есть же у вас там друзья какие-нибудь, соседи.

- Пап, ты что?! Нельзя никому звонить! Узнают, что я была одна и позвонят социалкам!

- Глупости! Юля, немедленно...Перекись надо. Перекись хоть есть у вас?

Перекись есть.

И вот тут появляется мама. И ни на каком она не была совещании! Она услышала мой звонок, а ответить не смогла потому, что телефон отключился. Мама сразу поняла - раз звоню, значит, что-то стряслось. Мама быстро-быстро отпросилась с работы, схватила такси и примчалась.

- Быстро-быстро? – орет на маму с экрана папа. – Примчалась, да? Юлька сто раз могла кровью истечь, из окна выпасть, спичками заиграться и сгореть, в ванной утонуть! Тебе плевать, да? Карьеру строишь? Я с самого начала чувствовал... Короче, раз она тебе не нужна – завтра же приеду и к себе ее заберу!

Мне делается смешно – что я маленькая, в спички играть? А в ванной вода холодная, и на окнах у нас решетки. Но к папе слетать было бы классно. Я в Америке еще не была.

Выливаю на дырку весь пузырек с перекисью. Перекись пенится и шипит. Края дырки делаются ровными и белыми. Красиво!

- Шура, не кричи, - вмешивается Света. - Виталик проснется. Только-только его утыркала. И вообще, ну что ты несешь, какой бред! Куда мы ее возьмем, кто с ней будет сидеть, я что ли? Ты сутками на работе.

- Заткнись! – рывкает папа на Свету. Лицо его делается чужим, некрасивым. – Не твое дело! Захочу – с работы уйду, сам с нею сидеть буду!

- И с Виталиком? – уточняет Света.

- Да кто тебе ее даст! – взрывается мама. – Проснулся он! Дочь у него! Присылал бы больше, не сидел бы ребенок дома один.

- Да где я тебе возьму? Рожу что ли?

Я слышу, как где-то там, на другом конце света, плачет малыш.

Мне хочется подбежать к нему, взять на руки, дать пустышку. Здесь есть много малышей, и я хорошо умею их успокаивать. Меня уже все мамы с нашей улицы знают.

Но этот ребенок, мой брат, он не рядом. Он там. А я здесь.

Потихонечку выскользываю из комнаты. Не хочу смотреть, как они ругаются. Не хочу слышать, как он плачет. Сворачиваюсь калачиком на кровати.

Рука болит все сильнее. Дергает, прямо как когда гнилой зуб. Ничего, осталось чуть-чуть потерпеть. Сейчас они доругаются, и мы с мамой пойдем к врачу. Врач мою руку сразу вылечит. Еще совсем немножечко потерпеть осталось, еще только самую капельку.

И вдруг до меня доходит. Мама дома! Не надо уже притворяться, что мне девять лет!

- Ааааа! Мамааа! Мне больно! Я пробила себе руку дыроколом!